
А. В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Сведения и заметки о кириллических печатных книгах*

2. Об изданиях Ивана Федорова и о некоторых особенностях раннего кириллического книгопечатания**

Как это ни парадоксально, но к числу малоизученных кириллических изданий нужно отнести книги, напечатанные Иваном Федоровым, деятельности которого посвящены сотни статей и десятки книг. Между тем при внимательном рассмотрении изданий Ивана Федорова нельзя не заметить, что большая часть их не имеет вполне достоверных описаний, причины чего, как кажется, следует видеть и в том, что многим исследователям приходилось работать с не очень хорошо сохранившимися экземплярами, и в том, что при этом в своей работе, пытаясь дать описание изданий, они не всегда учитывали некоторые особенности раннего кириллического книгопечатания, отличающие его от книгопечатания последующих веков.

Так, в XV—XVII вв. набор издания зачастую велся не последовательно от первого листа до последнего, а отдельно для каждой из частей, на которые делилось издание. Примером тому может служить Азбука из виленского Часовника с Азбукой 1596 г. Эта книга делится на 3 части. Первая часть включает в себя начальные тексты, от алфавита и слогов до азбучного акростиха, вторая — молитвы и притчи, третья — Сказание, како состави Кирилл Философ азбуку. Первая часть напечатана на листах, из которых составлены 3 тетради: две из 8 и одна из 4 листов, вторая — на листах, сложенных в 2 тетради — из 8 и из 2 листов, третья — на 8 листах, образующих одну тетрадь. Такой состав тетрадей издания ясно показывает, что каждая из частей Азбуки набиралась отдельно, так как оставшиеся после набора текста пустоты на развернутом листе бумаги (в случае, когда текст не занимал все 16 полос набора) не использовались для набора следующей части книги.

Но и тогда, когда текст набирался вполне последовательно, предисловная часть книги, как правило, печаталась не вместе с основным ее текстом, а особо, обычно уже после завершения печатания основного текста. При этом предисловная часть книги естественно выходила за пределы общего сигнатурного ряда, обеспечивавшего правильный подбор двойных листов в тетради, а тетрадей в книжный блок, и нередко получала особый — отличный от основного — сигнатурный ряд.

* Первая статья цикла опубликована в т. 51 ТОДРЛ (СПб., 1999 С. 337—341)

** Более полный английский вариант этой статьи, с приведением правильных листовых формул упоминаемых в статье изданий, будет напечатан в готовящемся каталоге Cyrillic Union Catalogue of Early-printed Books (to 1700) in United Kingdom Libraries / Compilers R. M. Cleminson, C. G. Thomas and A. V. Voznesenskii

Между тем эта особенность ранних изданий обычно не учитывается библиографами, имеющими дело с изданиями Ивана Федорова, хотя, если рассматривать напечатанные им книги в совокупности, легко обнаружить характерный для него прием простановки сигнатур в предисловной части. Каждый из двойных листов, составлявших одну или несколько ее тетрадей, получал сигнатуру в виде черты или запятой, причем для каждого следующего двойного листа в тетради использовался тот же вид знака, напечатанный большее число раз (т. е. на первых четырех листах восьмистраничной тетради издания во 2-ю долю листа последовательно печатались 1, 2, 3 и 4 черты или запятых). Именно такая сигнация двойных листов предисловной части обнаруживается в заблудовских Евангелии учительном и Псалтири с Часословцем, во львовском Апостоле и острожской Библии.¹ Однако в библиографии она, как правило, либо никак не отмечается,² либо и вовсе принимается за частичную нумерацию листов.³

Невнимание к тому, что книга могла набираться частями, ведет и к более серьезным недочетам, как в случае с заблудовской Псалтирью с Часословцем, потетрадное распределение листов которой решил дать только Е. Л. Немировский.⁴ Издание это не имеет сигнатур в основной части книги (в ней приводится только последовательная нумерация листов), в предисловной же части, напротив, при отсутствии нумерации листов тетради получили сигнатурный ряд, принятый Немировским за пометку некоторых листов.⁵ Вывод об отсутствии сигнатур, а также, видимо, установление факта, что некоторые тетради состоят из 8 листов, должно быть, и позволили Немировскому полагать, что книга заключает в себе 47 восьмистраничных тетрадей, без учета того, что предисловная часть напечатана на 18 листах, которые никак не раскладываются на полные восьмистраничные тетради. И действительно, рассмотрение превосходно сохранившегося экземпляра библиотеки Ламбетского дворца в Лондоне заставляет говорить о том, что предисловная часть Псалтири с Часословцем заключает в себе 3 тетради: две из 8 и одну из 2 листов, а основной корпус книги — 44 тетради из 8 и 2 из 4 листов (т. е. и две другие части книги — Псалтирь и Часослов — также печатались отдельно: в конце каждой из них четырехлистная тетрадь).⁶ То, что предислов-

¹ При этом в Библии сигнатуры в предисловной части проставлены не на нижнем поле, а в верхнем правом углу листа.

² См.: Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Л., 1973. Вып. 1. № 4; Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине: Иван Федоров. М., 1974. С. 142; Украинские книги кирилловской печати XVI—XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина / Сост. Т. Н. Каменева, А. А. Гусева. М., 1976. Ч. 1. № 1, 3; Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980. № 18, 32; Первопечатник Иван Федоров: Описание изданий и указатель литературы о жизни и деятельности / Сост. Е. Л. Немировский, М. В. Галушко, А. Д. Кизлык; Науч. ред. и предисл. Я. Д. Исаевича. Львов, 1983. № 5, 11; Лукьяненко В. И. Издания кириллической печати XV—XVI вв.: (1491—1600): Каталог книг из собрания ГПБ. СПб., 1993. № 58, 80. Исключение: описание львовского Апостола в каталоге В. И. Лукьяненко 1993 г. (см.: № 65).

³ См.: Немировский Е. Л. 1) Начало книгопечатания на Украине... С. 53; 2) Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979. С. 142; Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М. Каталог... № 16; Первопечатник Иван Федоров... № 4, 6.

⁴ Немировский Е. Л. Иван Федоров в Белоруссии. С. 127; см. также: Первопечатник Иван Федоров... № 5.

⁵ К сожалению, судить о том, какова была сигнатура в первой тетради предисловной части, из-за дефектности известных экземпляров пока не представляется возможным.

⁶ Не исключено, что отдельный набор частей книги был связан с тем, что Иван Федоров осуществлял первую у восточных славян попытку издать Псалтирь с воследованием, причем у него к Псалтири был присовокуплен Часовник, а не традиционный Часослов великий.

ная часть издания печаталась отдельно и уже после его завершения, подтверждается наблюдениями за орнаментикой книги, к сожалению, не вполне правильно описанной Я. П. Запаско.⁷ В Псалтири с Часословцем для оформления колонтитулов предисловной части и текста Псалтири Иван Федоров использовал специальные гравированные украшения. В самом начале Псалтири, с 1-го по 80-й лист, эти украшения печатаются с 4 досок, оттиски которых затем более не встречаются в книге, оставшаяся часть Псалтири и предисловная часть напечатаны с использованием других 4 досок. Следует заметить попутно, что смене орнамента сопутствовали и изменения в процессе печатания книги, выразившиеся в появлении ошибок в фолиации и исправлений на полях ошибок в наборе, т. е. всего того, что позволило Е. Л. Немировскому указать на торопливость, проявленную печатником при издании книги и, возможно, связанную с ухудшением денежных дел Г. А. Ходкевича.⁸

Наблюдения за орнаментикой Псалтири с Часословцем дают, помимо прочего, возможность представить, как протекал процесс издания этой книги, а также обращают внимание на еще одну особенность раннего книгопечатания, а именно на то, что набор печатных полос издания в ту пору производился так, чтобы быть перенесенным затем на развернутый лист бумаги, который в складке давал в зависимости от формата издания один или несколько двойных листов, составляемых далее в тетради. Псалтирь с Часословцем, будучи изданием в 4-ю долю листа и имея тетради главным образом по 8 листов, должна была набираться на 2 развернутых листах бумаги, каждый из которых получал текст 4 листов книги, или 8 печатных полос, по 4 с каждой стороны. Поэтому для одновременного печатания одной стороны развернутого листа Ивану Федорову требовалось как раз 4, а не 2, как ошибочно предполагает Я. П. Запаско, доски обрамлений для колонтитулов. Вместе с тем регулярное употребление только 4 досок неоспоримо свидетельствует о том, что печатание книги велось на одном стане и что Иван Федоров мог себе позволить делать оттиски только с одного набора, только на одной стороне развернутого листа, поскольку для следующих 4 полос ему было необходимо вынимать из предшествующего набора доски гравированных украшений колонтитулов.

Неучет этой особенности набора ранних кириллических изданий приводит к появлению таких их описаний, в которых тетради, составляющие книгу, становятся труднопредставимы вне складки, в виде развернутых листов бумаги, и таким образом способствует возникновению неверного описания книги в целом. Так произошло в случае с острожским Новым Заветом с Псалтирью 1580 г., хотя, если касаться этого издания, нельзя не обсудить другой, возможно — даже более важной, проблемы.

Эта книга, как и Псалтирь с Часословцем, впервые в истории восточнославянского книгопечатания напечатанная именно Иваном Федоровым, была снабжена алфавитным предметным указателем, который в библиографии последнего времени рассматривается, однако, в качестве вполне отдельного от нее издания, хотя функционально и связанного с ней.⁹ Такой подход к Новому Завету с Псалтирью и Собранию вещей

⁷ См.: Запаско Я. П. Мистецька спадщина Івана Федорова. Львів, 1974. С. 16—19 и соответствующие страницы в альбоме орнаментики и указателе к нему.

⁸ Немировский Е. Л. Иван Федоров в Белоруссии. С. 128, 144.

⁹ Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине... С. 125; Запаско Я. П. Мистецька спадщина Івана Федорова. С. 29; Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М. Каталог... № 27—29; Первопечатник Иван Федоров... № 9, 10; Лукьяненко В. И. Издания кириллической печати... № 75, 76; и мн. др. Следует заметить, что в каталоге Т. Н. Каменевой и А. А. Гусевой (см.: Украинские книги... № 2)

нужнейших Тимофея Михайловича (указателю) ярче всего был обоснован Е. Л. Немировским и В. И. Лукьяненко, причем главным аргументом в пользу того, чтобы видеть здесь два, а не одно издание, для них стало наличие в Собрании вещей нужнейших наряду с особой фолиацией и особым сигнатурным рядом также и особого титульного листа.¹⁰

Титульный лист появляется в изданиях Ивана Федорова уже после его отъезда из Москвы, причем его обращение к этой форме указания выходных сведений, возможно, было связано с необходимостью упоминания в книге о своих высокородных покровителях (обычно посредством воспроизведения их гербов), которое, конечно же, должно было открывать книгу. Не случайно, печатая книги на деньги львовского братства, Иван Федоров вновь обращается к колофону, тогда как среди заблудовских и острожских изданий только двулистная Хронология Андрея Рымши не имеет титульного листа.¹¹ Не случайно также, что первые титульные листы (в заблудовских Евангелии учительном и Псалтири с Часословцем, в острожской Азбуке) во многом напоминают перенесенный в начало книги колофон,¹² а в дальнейшем (в острожских Новом Завете с Псалтирью и Библии) Иван Федоров переходит к печатанию в книге чисто декоративного титульного листа и одновременно колофона, в котором только и можно найти сведения о времени и месте ее издания.

Собрание вещей нужнейших не имеет ни колофона, ни титульного листа, напоминающего перенесенный в начало книги колофон: выходные сведения в ней поделены между титульным листом (на нем приведены название книги, место ее печатания и имя печатника) и 1-м листом (здесь названы составитель указателя и время его печатания или, быть может, создания). Все это заставляет предполагать, что титульный лист Собрания был своего рода авантитолом, предварявшим в книге, состоящей из двух частей, вторую ее часть.

Отсутствие колофона в предметном указателе позволяет утверждать, что Новый Завет с Псалтирью и Собрание вещей нужнейших задумывались и печатались как единое издание, а титульный лист между основным текстом книги и предметным указателем к нему, скорее всего, понадобился Ивану Федорову для отделения указателя, самое издание которого было в ту пору очень смелой новацией, тем более что новизна книги и без того проявилась в соединении Псалтири с Новым Заветом и в печатании Нового Завета без традиционных служебных указаний.¹³

Новый Завет с Псалтирью и предметный указатель к нему рассматриваются как единое издание.

¹⁰ Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине... С. 125; Лукьяненко В. И. Издания кириллической печати... С. 165—166.

¹¹ Появление в начале львовского Апостола листа с гербом Г. А. Ходкевича в гравированной рамке, возможно, следует объяснять как знак благодарной памяти ему со стороны Ивана Федорова (Ходкевич поминается и в послесловии к книге). Вполне вероятно, что герб печатался не для всего тиража издания, хотя это предположение пока не имеет никаких доказательств.

¹² См. характеристику титульного листа острожской Азбуки 1578 г., данную Е. Л. Немировским: «...не титул, а развернутые в предисловии выходные сведения» (Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине... С. 121).

¹³ С мнением Я. Д. Исаевича, что титульный лист перед указателем был напечатан Иваном Федоровым, чтобы иметь возможность пускать указатель в продажу и как отдельное издание, без текста Нового Завета (см.: Исаевич Я. Д. Літературна спадщина Івана Федорова. Львів, 1989. С. 124—126), едва ли можно согласиться. В этом случае нужно было бы предположить существование в ту пору устойчивой традиции домашнего чтения Нового Завета, о которой, если судить по тому, какую судьбу имело федоровское издание, говорить не приходится.

Вместе с тем история этого издания была совсем не проста. Вполне вероятно, что набор указателя велся уже после того, как был отпечатан Новый Завет с Псалтирью. Об этом можно судить по тому, как набирался текст первой (предисловной) и последней тетрадой обеих частей книги. И в том и в другом случае эти тетради не были полными, текст их укладывался на одном развернутом листе, который в Новом Завете с Псалтирью делился пополам (начальная тетрадь имела 4 листа с текстом,¹⁴ последняя — 2 листа с текстом и 2 пустых¹⁵), а в указателе — на две неравные части (в начало попал только двойной лист, состоявший из пустого листа и титульного листа,¹⁶ в конец — 3 двойных листа, заключавших в себе 4 листа с текстом и 2 пустых листа¹⁷).

Однако все это не мешает видеть в Новом Завете с Псалтирью и Собрании вещей нужнейших две части одного издания. И свидетельством этому является экземпляр книги, хранящийся в Университетской библиотеке в Кембридже. В нем на стыке двух частей обнаруживается тетрадь из 6 листов, в которую входят 2 последних листа Нового Завета с Псалтирью, титульный лист указателя и затем 3 пустых листа. Наличие подобной тетради в кембриджском экземпляре, нужно думать, было вызвано недосмотром переплетчика: пустые листы между титульным листом и текстом указателя были лишними, мешающими восприятию и чтению книги, но при этом у него не возникло сомнений в том, что он переплетает единую книгу, да и в продажу, если переплет производился после покупки, обе части, видимо, поступили не врозь.

Общую судьбу федоровского издания определили особенности бытования книг в ту пору. Созданное как книга для чтения, в руках читателя оно быстро превращалось в служебное. В первую очередь отбрасывался бесполезный с этой точки зрения указатель,¹⁸ затем зачастую и остальное разбивалось на части — Псалтирь, Евангелие и Апостол, причем Евангелие и Апостол нередко снабжались рукописными служебными указаниями.

3. Несколько замечаний о старообрядческом книгопечатании

XVIII—начала XIX в. (по поводу книги: Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Починская И. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701—1918): Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996¹⁹)

По замыслу А. А. Амосова, которому принадлежала идея создания этой книги, «Материалы к словарю», по крайней мере в части, посвященной XVIII—началу XIX в., должны были стать своего рода подведением итогов заметно активизировавшихся в последнее время изысканий в области истории старообрядческого книгопечатания. В книге предполагалось аккумулировать все сведения о деятельности старообрядческих типографий, а также и лиц, эту деятельность осуществлявших, которые стали достоянием науки к моменту ее написания.

¹⁴ См. экземпляры РГБ (№ 1711, 7631).

¹⁵ См. экземпляры ГИМ (Щап. 117) и РГБ (7631).

¹⁶ Сохранился только в экземпляре кембриджской Университетской библиотеки.

¹⁷ См. экземпляры ГИМ (Щап. 117) и РГБ (9502).

¹⁸ Не исключено, что указатель был отпечатан не для всего тиража Нового Завета с Псалтирью. По крайней мере эта часть издания сохранилась в очень небольшом количестве экземпляров (см.: Исаяев и Я. Д. Литературна спадщина Івана Федорова. С. 157—159).

¹⁹ Далее ссылки на это издание — в тексте с указанием страниц в квадратных скобках.

Выполнение этой задачи не значило неперменного и окончательного решения всех вопросов, возникающих в связи с типографской деятельностью старообрядцев, однако в книге необходимо было представить все существующие на этот предмет точки зрения, кроме тех, конечно, которые уже показали свою несостоятельность в ходе изучения старообрядческого книгопечатания. Между тем в окончательном тексте словарных статей, посвященных XVIII—началу XIX в., трудно найти какие-либо свидетельства тому, что существуют мнения, отличающиеся от представленных, хотя это и не совсем так. Более того, обнаруживаемая в «Материалах к словарю» трактовка некоторых фактов такова, что ее нельзя оставить без обсуждения.²⁰

Прежде всего это относится к статье, посвященной Петру Ильичу Губареву [С. 10], появление которой в «Материалах к словарю» явилось для меня полной неожиданностью. В отличие от других статей, в ней нет изложения фактов, но сделана попытка доказать существование лица с такими именем и фамилией, причем аргументация в защиту этого мнения сводится главным образом к указанию на необходимость двух отождествлений.

Первое из них представляется вполне закономерным и вероятным. Считать, что Губарев, упоминаемый в документах, относящихся к деятельности гродненской типографии, как заказчик печатавшихся там старообрядческих книг, и Губарев, делавший такие же заказы в Супрасле, о чем можно узнать только из описания Супрасльского монастыря, составленного в конце прошлого века по утраченным ныне документам,²¹ — это один и тот же человек, позволяет как полное сходство фамилий двух названных лиц, так и параллелизм, замечаемый в издательских программах этих типографий, в той их части, конечно, которая относится к печатанию старообрядческих книг.²²

Больше сомнений вызывает другое отождествление: Губарева и «некоего Петра Ильича», также известного в качестве одного из заказчиков старообрядческих изданий в Супрасле.²³ Это мнение основывается на обнаруженном И. В. Починской в архивных документах употреблении инициала «П» при фамилии Губарева,²⁴ и согласиться с подобным отождествлением было бы можно, хотя при этом пришлось бы сделать ряд серьезных допущений, принятие которых автоматически относит любой вывод, сделанный в процессе решения вопроса, к разряду предположений и препятствует рассмотрению его в качестве реального факта.

Между тем оказалось, что ясность в этом вопросе вполне достигнута при обращении к тексту документов, связанных с печатанием книг для старообрядцев в гродненской типографии, — они стали общедоступны благодаря публикации их З. Ярошевич-Переславцевой.²⁵ В договоре

²⁰ По предварительной договоренности окончательный текст статей о старообрядческом книгопечатании XVIII—начала XIX в. готовился мною, однако в издании он предстал в заметно измененном виде, отчего заключающую предисловие фразу: «Книга печатается в авторской редакции» [С. 7] необходимо теперь понимать: «в редакции И. В. Починской». К сожалению, изменения были внесены даже в систему пристатейных библиографических отсылок.

²¹ Николай [Далматов]. Супрасльский Благовещенский монастырь: Историко-статистическое описание. СПб., 1892.

²² Вознесенский А. В. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII—начала XIX века: Каталог. Л., 1991. С. 160.

²³ Николай [Далматов]. Супрасльский Благовещенский монастырь... С. 329.

²⁴ Более подробно об этом см.: Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание XVIII—первой четверти XIX века. Екатеринбург, 1994. С. 41, 44.

²⁵ Jaroszewicz-Pieresławcew Z. Starowiercy w Polsce i ich księgi. Olsztyn, 1995. S. 88—89.

с гродненской типографией при неоднократном упоминании второй из договаривающихся сторон — стародубского купца Губарева — дважды его имя приводится полностью (в формах: Пiа и Пiiа), хотя обычно употребляются сокращения, читаемые публикатором чаще всего как «I» и лишь однажды как «P». Но и здесь нет никакой ошибки или несоответствия, поскольку в одном случае речь идет действительно об инициале (I. ← Пiа), а в другом — о сокращении нарицательного существительного (P. ← Pan), сокращении, весьма распространенном для слов такого рода во многих языках.

Таким образом, становится ясным, что заказчиком старообрядческих изданий в Гродно, а возможно, и в Супрасле, был купец Илья Губарев, в Супрасле — «некий Петр Ильич», существование же Петра Ильича Губарева является крайне сомнительным, даже если посчитать его сыном Ильи Губарева, что привело бы к новым, не менее серьезным допущениям.

Другим случаем обновления текста, при котором требуется проверка основательности привнесенных утверждений, является статья, посвященная типографии М. Стрельбицкого [С. 21], заменившая в книге статью о печатании старообрядческих изданий в Яссах.

Как известно, после освидетельствования в 1788 г. типографий старообрядцев в Клинцах типографский материал одной из них появился сначала в трех изданиях, в выходных сведениях которых в качестве места издания указывались Яссы, затем — еще в нескольких книгах, напечатанных в конце XVIII в., а уже далее — в изданиях, выпускавшихся в Махновке и Янове.²⁶

Что касается печатания книг для старообрядцев в Яссах, то следует думать, что они вышли из типографии М. Стрельбицкого или, иначе говоря, из митрополичьей типографии, арендуемой в ту пору Стрельбицким.²⁷ Они не могли быть напечатаны в походной типографии Г. А. Потемкина уже потому, что тогда, когда была издана первая из этих книг (а она датирована 1 сентября 1789 г.), походная типография еще находилась в Елизаветграде.²⁸ Это подтверждается и наблюдениями А. Д. Паскаля, обнаружившего в нестарообрядческих изданиях М. Стрельбицкого, напечатанных в 1790 г., применение старообрядческой орнаментики.²⁹

История печатания более поздних изданий, которая является наиболее загадочной, предстает в изложении И. В. Починской в соответствии с историей скитаний М. Стрельбицкого, последовательно переезжавшего из Ясс в Дубоссары (в 1792 г.), из Дубоссар в Могилев-на-Днестре (в 1796 г.) и столь же последовательно основывавшего в местах своего пребывания типографии.³⁰ Такое развитие событий представляется И. В. Починской настолько очевидным, что она даже не делает попытки его ар-

²⁶ Вознесенский А. В. 1) Кириллические издания... С. 140—141, 88—119; 2) Предварительный список старообрядческих кириллических изданий XVIII века. СПб., 1994. С. 43, 51, 55, 57, 58, 64—66 (с некоторыми изменениями).

²⁷ О ней см.: Кирияк В. С. Братства живые родники: Книга в Молдавии XVII—начала XIX вв.: (Историко-кирilloведческий очерк). Кишинев, 1986. С. 83.

²⁸ Там же. С. 90.

²⁹ Паскаль А. Д. Новый справочник по старообрядческим изданиям конца XVIII—начала XIX в.: [Рец. на кн.: Вознесенский А. В. Кириллические издания...] // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 265—266. Следует заметить, что до яского Апостола 1791 г. указанные А. Д. Паскалем заставки не появлялись в старообрядческих изданиях. Не исключено, что они принадлежали типографии Стрельбицкого и лишь затем, после применения для печатания Апостола, вошли в набор старообрядческой орнаментики, отчего и продолжили миграцию с нею.

³⁰ Кирияк В. С. Братства живые родники... С. 83—84.

гументировать, хотя вопросов, связанных с изданиями, выходящими вслед за яскими, остается немало. Единственным изданием, заслужившим внимание И. В. Починской, оказалась Псалтирь с выходными сведениями «М. М., 1793», которые она расшифровывает как «Местечко Могилев»,³¹ полагая, что эту книгу начали печатать в Дубоссарах, а продолжили уже в Могилеве, хотя ничто в издании не указывает на то, что оно печаталось в два приема. Издание же Триоди цветной, названной в «Материалах к словарю» почему-то Триодью постной, которое допечатывалось в типографии Ф. Карташева в Клинцах,³² не получило и вовсе никаких объяснений.

Между тем история печатания Триоди цветной представляется чрезвычайно важной для определения того, где издавались послеевские книги. При рассмотрении этого издания легко заметить, что оно распадается на две части (одна — с 1-го по 404-й л., вторая — с 405-го л. и до конца), вышедших несомненно из двух разных типографий, на что указывает не только употребление неодинаковой орнаментики и разных шрифтов (в начале книги 10 строк = 91—92 мм, в конце — 88—89 мм), но и то, что они печатались на разной бумаге. В первой части книги встречается голубоватая бумага без филигранной либо с филигранью «1789», реже — бумага 1786 и 1788 гг. невыясненного происхождения (см.: Клепиков, I, № 284), во второй части — бумага 1790—1792 гг. Красносельской бумажной фабрики (Клепиков, I, № 271, 272), фабрики Мещанинова в Костроме (Участкина, № 788) и Полотняного завода А. Гончарова (Участкина, № 122). Время изготовления бумаги, на которой напечатана вторая часть книги, а также выбранные для нее Ф. Карташевым выходные сведения «Супрасль, 1793» позволяют считать, что именно в 1793 г. Триодь и была допечатана в Клинцах.³³ И это нисколько не противоречит предположению, что печатание первой части этой книги производилось еще во время пребывания Стрельбицкого в Яссах.³⁴

То, что Стрельбицкий не имел возможности закончить это издание, может быть истолковано только разрывом с ним старообрядцев-заказчиков, не желавших следовать за кочующим типографом. Естественно думать, что и типографский материал был изъят у него при разрыве. Свидетельством тому косвенно может служить изменение в манере набора книг, очевидное в послеевских изданиях,³⁵ которое можно расценивать только как факт, указывающий на то, что они печатались в иной типографии. Предположение же, что Стрельбицкий, известный своим многолетним служением делу молдавского просвещения, стал проявлять инициативу, стараясь обеспечить старообрядцев печатными книгами, напротив, представляется не вполне достоверным.

³¹ Эта расшифровка сделана по аналогии с моей «местечко Махновка» (см.: Вознесенский А. В. Предварительный список... № 206).

³² Вознесенский А. В. Кириллические издания... № 367.

³³ Ее отнесение к более позднему, после 1796 г., времени (см.: Вознесенский А. В. 1) Кириллические издания... № 367; 2) Предварительный список... № 248) было связано с неправильным определением одного из сортов бумаги.

³⁴ До 20 апреля 1792 г. М. Стрельбицкий несомненно находился еще в Яссах, так как этим днем датирован выпущенный им там Часослов (см.: Книга Молдовы. XVII—нач. XX в.: Старопечатные издания XVII—нач. XIX в.: Сводный каталог / Сост. Н. П. Матей, К. Я. Слуту, В. Г. Фармажиу. Кишинев, 1990. № 30), но уже вскоре, вероятно, переехал в Дубоссары. Высочайший рескрипт об отведении ему там земли и о позволении завести типографию датирован 16 мая 1792 г. (Мурзакевич Н. Н. Начало книгопечатания в Новороссийском крае // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Т. 2. С. 217, сноски**).

³⁵ Подробнее об этом см.: Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII—начала XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996. С. 29—30.

Вместе с тем если история недопечатанной Триоды цветной еще подается истолкованию, то о том, какова была судьба используемого для ее печатания Стрельбицким типографского материала, судить довольно трудно. Скорее всего, его предпочли продать, так как едва ли в выпуске яских и послеяских изданий принимали участие одни и те же лица, главное свидетельство чему следует видеть в резком изменении издательской программы. На смену столь смелым инициативам, как никогда до того не выпускавшиеся старообрядцами Апостол и Триодь цветная, пришли легко определяемые перепечатки прежде издававшихся книг.

Еще более сложен вопрос в том, где располагалась типография, печатавшая послеяские издания. Предпочтительнее было бы думать, что в Махновке. В пользу этого говорит прежде всего то, что у С. Селезнева, ставшего арендатором махновской типографии в 1801 г., оказался все тот же типографский материал. В его изданиях получила продолжение все та же манера метить буквами, в которых следует видеть инициалы работников типографии, именно лицевую сторону первого листа тетради, и именно его нижнее поле у корешка. Также он сохранил общее направление издательской программы той типографии, которая выпустила послеяские издания. Возможно, это было связано с тем, что и появление Селезнева во главе махновской типографии означало лишь смену ее владельца, не имевшую влияния на печатание в ней книг для старообрядцев, поскольку реальная инициатива в этом деле исходила от другого лица (на это указывает то, что из типографии Селезнева выходили не только старообрядческие издания [С. 18], т. е. что ее владельца заботил в первую очередь коммерческий успех предприятия).

Впрочем, несмотря на все эти соображения, вопрос о послеяских изданиях едва ли можно признать окончательно решенным, и версия И. В. Починской несомненно также должна быть учтена, хотя и представляется маловероятной.

Наконец, требует обсуждения и вопрос о количестве старообрядческих типографий в Клинцах в ту пору, когда было возможно их легальное существование. Благодаря внесенным изменениям в «Материалах к словарю» последовательно проводится точка зрения о существовании там в 1785—1788 гг. только двух типографий: одной — В. и Я. Железниковых и Д. Рукавишникова, другой — Ф. Карташева.³⁶ Мнение о том, что в Клинцах в эту пору работали сразу три типографии,³⁷ преобразовано в упоминание о «расширении» типографского предприятия В. и Я. Железниковых и Д. Рукавишникова и размещении его оборудования в двух домах, что было связано с «успешностью» его деятельности и «стало возможным еще и благодаря тому, что были подготовлены квалифицированные специалисты по книгопечатанию» (?). При всем том И. В. Починская делает осторожную оговорку об «основаниях полагать, что эти заведения в дальнейшем работали как самостоятельные типографии», но это, впрочем, не мешает ей затем вести речь о единой типографии Железниковых и Рукавишникова [С. 12—13].

Между тем разделение в конце лета 1786 г.³⁸ первой возникшей в Клинцах книгопечатни, участие в деятельности которой принимали с

³⁶ Подробнее об этом см.: Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание... С. 50—54.

³⁷ См.: Вознесенский А. В. Кириллические издания... С. 8—9; Паскаль А. Д. Новый справочник... С. 265.

³⁸ Об этом можно судить по указаниям, обнаруживаемым в выходных сведениях клинцовских изданий. Среди известных библиографии изданий последним, напечатанным совме-

одной стороны — отец и сын Железниковы, а с другой — Д. Рукавишников, на две становится вполне очевидным, если обратиться непосредственно к изданиям, выпущенным старообрядцами. В пользу разделения типографии, помимо собственного признания этого факта типографами в выходных сведениях изданий, говорят и наблюдения за употреблением в них орнаментики.

При образовании в Клинцах на месте одной двух типографий орнамента была поделена между типографами, причем бóльшая ее часть досталась Железниковым. Полученные типографами в результате раздела орнаменты были ими тотчас же пополнены новыми. В дальнейшем каждая из типографий употребляла при печатании книг только собственные доски,³⁹ и исключений из этого правила обнаруживается только три.

Первым из таких исключений являются уже упоминавшиеся издания сентябрьской и декабрьской четвертей Пролога в 1787 г., в выходных сведениях которых упомянуты и Рукавишников, и Железников. В этих изданиях, которые, видимо, стали воспроизведением самых первых клинцовских изданий (экземпляры их пока неизвестны), видно стремление сымитировать характерные для ранних изданий весьма специфические приемы организации книги.⁴⁰ Важно отметить и то, что бóльшая часть привлеченной для печатания Пролога орнаментики встречается затем в изданиях Железниковых, но все из этих заставок, кроме одной, применялись типографами и прежде, во время их совместной деятельности. Такая ориентация на прежние издания, как кажется, только подтверждает предположение о временном объединении усилий двух клинцовских типографов.

Другой случай представляется более загадочным, поскольку уже нелегко разобраться в обстоятельствах издания тех нескольких книг, и среди них — Евангелия учительного (Клинцы: тип. Д. Рукавишникова, 19 июля 1787⁴¹), которые, судя по бумаге, печатались не ранее 1788 г., т. е., возможно, уже после освидетельствования типографий в Клинцах и изъятия типографского оборудования у Рукавишникова и Железниковых.⁴² В Еван-

стно этими типографами, стало вышедшее 22 августа 1786 г. (см.: Вознесенский А. В. Кириллические издания... № 269), а первое с указанием на типографию Д. Рукавишникова датировано 2 сентября того же года (Там же. № 270). По мнению А. Д. Паскаля, разделение на две типографии произошло в феврале—марте 1787 г. (Паскаль А. Д. Новый справочник... С. 265), и, следует думать, к выбору этой даты исследователя вынудил факт выхода 6 марта 1787 г. совместного издания сентябрьской и декабрьской четвертей Пролога (см.: Вознесенский А. В. Кириллические издания... № 275, 276), который можно истолковать и как результат временного объединения усилий типографов для выполнения столь большого издательского проекта, каким является печатание Пролога.

³⁹ На это указывает и А. Д. Паскаль, см.: Паскаль А. Д. Новый справочник... С. 265.

⁴⁰ См.: Вознесенский А. В. Старообрядческие издания... С. 53.

⁴¹ Вознесенский А. В. Кириллические издания... С. 291.

⁴² В отличие от Железниковых, об изданиях которых, напечатанных после 1787 г., нет никаких известий, Д. Рукавишников и после освидетельствования в январе—феврале 1788 г. его типографии сохранил у себя какое-то типографское оборудование, что неоспоримо доказывается изданием «Путешествия к святым местам» В. Г. Григоровича-Барского, которое было напечатано «въ вольной Типографіи Клинцовскаго Посада второй гильдіи Купца Дмитрія Рукавишникова; 1788 году, Іюня 15 дня (выделено мной. — А. В.)». Издание это воспроизводит, по возможности — строка в строку, петербургское 1778 г., причем имитируется даже наборный орнамент, хотя и довольно своеобразно: рисунки наборных украшений петербургского издания повторены и в клинцовском, но при этом употребляются не наборные украшения, а воссоздающие их ксилографические полоски. Отличительными признаками клинцовского издания являются также: формат (2° вместо 4°), пропуски на месте текста, который должен печататься латиницей (см. с. 42; скорее всего, из-за отсутствия у Рукавишникова нужного шрифта), напечатание «Указания по порядку алфавита» не в 2, а в 1 столбец (со с. 787; видимо, из-за неумения производить набор в 2 столбца).

гелии учительном наряде с заставками, обычными для изданий Рукавишникова, встречаются три, принадлежащие Железниковым, две из которых также происходят из начальной поры клинцовского книгопечатания. Яркой особенностью этого издания стало активное употребление в нем концовок, которые после изданий, относящихся к периоду совместной деятельности типографов, не столь часто и не в столь широком наборе обнаруживаются только в книгах, напечатанных типографией Железниковых.

Третьим, и последним, требующим рассмотрения изданием, в котором было найдено смещение типографского материала, является Псалтирь с воследованием (5.VII.1787)⁴³ — единственное издание, в выходных сведениях которого упомянута типография Ф. Карташева. Понимание того, как печаталась эта книга, представляется чрезвычайно важным, поскольку, по мнению А. Д. Паскаля, из-за существующих «вариантов ее набора» можно подвергнуть сомнению самую атрибуцию изданий 90-х гг. XVIII в., снабжавшихся ложными выходными сведениями, типографии Ф. Карташева.⁴⁴

И это было бы действительно так, если бы существовали варианты набора книги, а не варианты подбора (или составления) ее экземпляров. Анализ орнаментики и шрифтов издания показывает, что в его печатании принимали участие две типографии: Карташева и Железниковых. При этом Карташевым печатался основной корпус текста Псалтири, начиная с гравюры с изображением царя Давида и кафизм и заканчивая воспроизведением московских выходных сведений, Железниковыми — предисловная часть, обособленная от основного текста отдельным сигнатурным рядом и отдельной фолиацией, и заключительный лист с клинцовскими выходными сведениями (таковы оба экземпляра РНБ), т. е. те части, которые, как правило, шли в набор тогда, когда основной текст уже был отпечатан.

Так называемый вариант набора (см. экземпляр: ИРЛИ, Древлехранилище, АБ № 21) представляет собою просто иное пополнение основного текста книги: в нем ее часть, напечатанная Карташевым, составляет лишь л. 101—544, остальное же вышло из типографии Железниковых, причем только в части, отпечатанной Железниковым, и можно обнаружить варианты набора, а вернее — совсем другой, чем в экземплярах РНБ, набор.

Все это становится очевидным при наблюдении за шрифтами. В отличие от Рукавишникова и Железниковых, Карташев, при довольно схожем рисунке букв, употреблял более узкий шрифт (10 строк = 86—88 мм, тогда как у тех — 90—92 мм), отчего разграничение результатов работы двух типографий легко устанавливается при помощи линейки.⁴⁵ Различию шрифтов соответствует и разделение орнаментики: лишь одна из заставок Карташева⁴⁶ появляется в одном из вариантов предисловной части книги (см. экземпляр РНБ), что вполне может быть объяснено возможным ее представлением владельцем в распоряжение Железниковых при их решении принять участие в издании Псалтири с воследованием. О том же, что это участие

⁴³ Вознесенский А. В. Кириллические издания... № 282.

⁴⁴ Паскаль А. Д. Новый справочник... С. 264—265.

⁴⁵ Узкий шрифт характерен и изданиям 90-х гг., но не несколькими «изданиями с ложными указаниями на типографию Дмитрия Рукавишникова на бумаге 1788 г.», которые поэтому и нельзя считать «вышедшими в тайной типографии Федора Карташева» (ср.: Паскаль А. Д. Новый справочник... С. 265, сноска 11).

⁴⁶ № 44 по альбому орнаментики в кн.: Вознесенский А. В. Кириллические издания... Она регулярно употребляется в изданиях 90-х гг., но ни разу — в других изданиях Железниковых.

было определено не простой волей случая, свидетельствует то, что в выходных сведениях в качестве издателя назван именно Карташев «с товарищи», хотя лист с выходными сведениями печатался, как упоминалось, в типографии Железниковых, а также то, что обеими типографиями использовалась одна и та же бумага. Поэтому, несмотря на то что понять, почему Карташев не закончил сам этого издания, почему не все тетради получили одинаковый тираж, с чем и следует связать неодинаковость пополнения экземпляров, и почему завершением издания занималась другая типография, представляется сейчас почти невозможным, ясно, что и в этом случае едва ли можно говорить о смешении типографского материала.

Таким образом, единственный аргумент в пользу того, что разделения типографии Д. Рукавишникова и Железниковых на две не было, а именно существование «смешанных» изданий, не является столь уж бесспорным и необъяснимым, тем более что разделение на две типографии в 1786 г. не означало необращения клинцовских типографов в дальнейшем. Поэтому и кажется более предпочтительным рассматривать известные «смешанные» издания в двух случаях в связи с попыткой повторения прежних, совместных, изданий (причем однажды для этого потребовалось объединить усилия типографов, в другой раз было достаточно одолжиться несколькими орнаментами⁴⁷), а в третьем, пусть, — и как итог совместной работы двух типографий, но работы такой, которая не предполагала объединения типографского материала.

Таковы лишь наиболее существенные спорные положения, внесенные И. В. Починской в «Материалы к словарю» без учета того, что они могут рассматриваться и рассматриваются не только в избранном ею направлении. Не имея цели рецензировать книгу или давать ей оценку, я все же не буду касаться более мелких из появившихся в ней неточностей, хотя для науки мелочей не существует.

4. Виленский «Часословец» 1601 г.

Библиографическая судьба некоторых кириллических книг складывается очень несчастливо, и зачастую незаслуженно. Причиной тому является не только плохая сохранность экземпляров этих книг, но и недостаточное внимание к ним библиографов, во многом обусловленное неразработанностью у нас теоретических проблем библиографии и типологии книги.

К числу подобных изданий следует отнести и виленский «Часословец» 1601 г., известный библиографам с первой половины XIX в., но лишь по одному дефектному экземпляру, попавшему в собрание Библиотеки Императорской Академии наук. Экземпляр этот (шифр: 1028 сп), имея утраты в начале и середине книжного блока, сохранил лист с выходными сведениями⁴⁸ и привилеем типографии Мамониной. Несмотря на это, по-

⁴⁷ Внимание к орнаментальному убранству книги было характерно восточнославянским типографам изначально (см.: Гусева А. А. Символика в орнаментике изданий Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца // Книга: Исследования и материалы. М., 1993. Сб. 66. С. 125—130), чем нужно объяснять и довольно частые случаи, когда для печатания определенных книг вырезались специальные доски, имитирующие те, которые использовались в предшествующих изданиях тех же книг, а также то, что при порче досок зачастую их перерезали, а не изготавливали новые с новым рисунком.

⁴⁸ См.: Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883. Т. 1: с 1491 по 1652 г. № 167 (воспроизведено с некоторыми изменениями в графике и орфографии).

пыток хоть сколько-нибудь подробно описать «Часословец» или только определить его объем было сделано всего три.

Первая из таких попыток принадлежала И. П. Каратаеву, который, однако, был вынужден признать, что «по неполноте экземпляра» он счет листов определить не может.⁴⁹ А. С. Зернова, исходя из сигнатур, определила объем издания как «около 150 л.», но при этом ее вывод был основан на неверной посылке, что в издании «есть сигнатура С, тетради по 8 л.»⁵⁰ (в действительности последняя тетрадь имеет сигнатуру Т, а не С). Мнение А. С. Зерновой было без проверки принято Г. Я. Голенченко, указавшим также, что в экземпляре БАН сохранилось только 94 л., и описавшим содержание книги («псалмы, Часословец с воследованием, тропари воскресные, богородичны, тропари дневные и богородичны, колофон с привилегией»)⁵¹ Таким образом «Часословец» 1601 г. так и не получил достоверного описания, что следует объяснить как дефектностью известного экземпляра и отсутствием в издании счета листов или страниц, так и тем, что для этой книги не удалось сразу обнаружить такую, которая бы составляла с нею пару.

Печатание «парных» изданий, в частности что касается книг, распространение которых предполагалось и в пределах Московского государства, было одной из ярких особенностей в деятельности типографии Мамоничей в 90-х гг. XVI в. и на рубеже веков.⁵² Такие «парные» издания характеризовались тем, что они выходили «почти в одно время», как заметила А. С. Зернова в отношении двух изданий Евангелия учительного 1595 г.,⁵³ печатались не с одного и того же набора, а с разных, и всегда различались с точки зрения употребления книгообразующих элементов. В числе разделяющих издания примет могли быть: наличие или отсутствие кустодов (как в Апостолах 12.VI.1591 и [1592]⁵⁴), наличие или отсутствие сигнатур (как в двух Евангелиях 17.VII.1600⁵⁵), но чаще всего — наличие или отсутствие счета листов (как в двух Евангелиях учительных 1595⁵⁶ и Часовниках [1592—1601]⁵⁷).

⁴⁹ Там же. № 167.

⁵⁰ Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век) // Книга: Исследования и материалы. М., 1959. Сб. 1. С. 211.

⁵¹ Галенчанка Г. Я. Старадрукаваныя кірылічныя выданні XVI—XVIII ст. // Кніга Беларусі. 1517—1917: Зводны каталог. Мінск, 1986. № 59.

⁵² На то, что «ряд изданий они напечатали по два-три раза», указывала и А. С. Зернова (см.: Зернова А. С. Типография Мамоничей... С. 197), хотя и только в связи с предполагаемым ею старанием Мамоничей не афишировать свою деятельность, отчего не все из этих изданий наделались выходными сведениями.

⁵³ Зернова А. С. Типография Мамоничей... С. 204. По мнению А. Г. Мосина, издание без фолиации вышло позже, чем издание с фолиацией, так как в его наборе учтено «исправление многих опечаток» издания с фолиацией (Мосин А. Г. Определение кириллических изданий Евангелия учительного XVI в. в полевых условиях: Методич. рекомендации. Свердловск, 1990. С. 10).

⁵⁴ Зернова А. С. Типография Мамоничей... С. 220, № 13, 19; Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. / ГПБ. Л., 1973. Вып. 1. № 20, 24; Галенчанка Г. Я. Старадрукаваныя кірылічныя выданні... № 23, 25.

⁵⁵ Зернова А. С. Типография Мамоничей... С. 221, № 36, 37; Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий... № 45, 46; Галенчанка Г. Я. Старадрукаваныя кірылічныя выданні... № 55, 56.

⁵⁶ Зернова А. С. Типография Мамоничей... С. 220, № 27, 28; Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий... № 30, 31; Галенчанка Г. Я. Старадрукаваныя кірылічныя выданні... № 30, 31.

⁵⁷ Barnicot J. D. A., Simmons J. S. G. Some unrecorded early-printed Slavonic books in English libraries // Oxford Slavonic Papers. 1951. Vol. 2. P. 103—104, N 3, 4; Зернова А. С. Типография Мамоничей... С. 220, № 15, 16; Галенчанка Г. Я. Старадрукаваныя кірылічныя выданні... № 61, 62.

Появление подобных изданий объяснить трудно, однако можно предположить, что для увеличения тиража и одновременно для ускорения его производства в типографии Мамониной печатали определенные книги сразу с двух наборов одного и того же текста.⁵⁸ Различению этих наборов, которое было необходимо, так как именно работники, участвующие в каждом из них, должны были нести ответственность за свою работу и заниматься исправлением своих опечаток (а при серьезных погрешностях, видимо, предполагался и перенабор), как раз, нужно думать, и служило употребление или неупотребление того или иного книгообразующего элемента. Высокий уровень сходства наборов мог достигаться тем, что оба они производились с одного источника, или же, возможно, один из них предшествовал другому и затем использовался как источник для этого другого.

Между тем из-за неясности того, что представляет собою «Часословец» 1601 г., не вызывавшего сомнений «парного» издания для него не находилось, хотя А. С. Зернова и указала на близость его «к Часовникам Мстислава, виленскому 1574—75 гг. и острожскому 1602 г.» и к найденному ею в РГАДА фрагменту, который в свою очередь был «очень близок к экземпляру, находящемуся в Лондоне у д-ра Гастера», не отметив, впрочем, какого рода была эта близость.⁵⁹ При рассмотрении всех этих изданий, даже несмотря на то что экземпляр д-ра Гастера доступен лишь по не совсем полному описанию,⁶⁰ сразу бросается в глаза их близость с точки зрения формата: для сравнения А. С. Зернова привлекла только издания в 4-ю долю листа, причем все, ей известные (виленский Часослов 29.IX.1597⁶¹ ей не был известен). Кроме того, за исключением издания 1574—1576 гг., характеризующегося набором лишь 11 строк на странице, все они имеют по 12 строк.

Однако нужно думать, что, говоря о близости этих изданий, А. С. Зернова в первую очередь имела в виду одинаковость заключенных в них текстов. И действительно, даже выборочное сравнение показывает, что при печатании вышеперечисленных Часословов использовалось издание 1574—1576 гг., текст которого заметно отличался от текста московских федоровских Часовников,⁶² причем если из-за увеличения ширины набора в «Часословце» 1601 г. полное совпадение строк встречается достаточно редко, то в острожском издании 1602 г. текст воспроизведен, как правило, построчно. Влияние Часовника 1574—1576 гг. испытало и издание 1597 г. (временами набор воспроизводится строка в строку), хотя

⁵⁸ Отнесение А. С. Зерновой близких изданий к разным годам, основанное на выявлении изменения состояния орнаментики (как, например, в случае с Апостолом), является довольно условным. Известны случаи, когда доски получали дефекты и сломы непосредственно в процессе печатания тиража (см.: Вознесенский А. В. Кириллические издания... С. 157—159, № 86, 87, 118, 126, 132). Косвенным доказательством одновременности печатания «парных» изданий являются смешанные экземпляры, в которых изначально сплетены воедино тетради этих изданий (см. описание такого экземпляра Евангелия учительного 1595 г.: Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков / ЛГУ. Л., 1970. № 21, 25).

⁵⁹ Зернова А. С. Типография Мамониной... С. 211.

⁶⁰ Barnicot J. D. A., Simmons J. S. G. Some unrecorded early-printed Slavonic books... № 10.

⁶¹ Tyrrell E. P., Simmons J. S. G. Slavonic books before 1700 in Cambridge libraries // Transactions of the Cambridge Bibliographical Society. 1963. Vol. 3, N 5. P. 390, № 12; Лукьяненко В. И. Издания кириллической печати... № 131.

⁶² Зернова А. С. Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец // Книга: Исследования и материалы. М., 1964. Сб. 9. С. 101.

текст в нем и был изменен (преимущественно в тех частях книги, где даны служебные указания).⁶³

Отмеченная А. С. Зерновой текстовая близость виленских изданий 1574—1576 гг. и 1601 г. представляется чрезвычайно важной, поскольку тождество текста двух книг позволяет сделать реконструкцию одной из них на основе изучения другой и их сопоставления. Увеличение высоты и ширины зеркала набора в «Часословце» 1601 г. привело к тому, что на одном листе (на 24 строках) в нем укладывается текст, соответствующий 26—28 строкам издания 1574—1576 гг. Это наблюдение, с учетом того, что известный экземпляр имеет конец, дает возможность вполне воссоздать структуру издания. Его описание должно выглядеть так:

Часослов (Часословец). Вильно: тип. Мамоничей, 2.XI.1601.

4°; [А]⁸[Б]⁸В⁸ — Ж⁸ З⁸ — Т⁸ = л. [1] — [152].

Сигнатуры в центре нижнего поля листа на первых четырех листах тетради, по типу: **А**, **АВ**, **АГ**, **АД** (тетрадь **Т** имеет знаки лишь на первых 3 л., 4-я сигнатура тетради **П** и 3-я сигнатура тетради **Т** не имеют цифровых индексов).

12 строк; шрифт = 127; ширина набора = 101.

Печать преимущественно в одну краску. Киноварь сохранилась только на л. **К**₈[88] (вязь и первые буквы некоторых слов).

Орнаментика: только заставки, скомбинированные из 4 рядов наборного орнамента, — л. **К**₈[88], **Р**₆ об. [134] об., **Г**₇ [143]. Вязь — л. **К**₈ [88].

Состав:

л. **А**₁ [1], пустой

л. **А**₂ — **В**₁ [17], вечерня

л. **В**₂ [18] — **З**₁ об. [57] об., часы 3-й, 6-й, 9-й, обедница

л. **З**₂ [58] — **К**₇ об. [87] об., утренняя, час 1-й

л. **К**₈ [88] — **П**₇ об. [111] об., павечерница великая

л. **П**₈ [112] — **Р**₆ [134], канон Богородице кир Феофана

л. **Р**₆ об. [134] об. — **Г**₆ об. [142] об., тропари воскресны, ипакои и богородичны на 8 глосов

л. **Г**₇ [143] — **Т**₇ [151], тропари дневные и богородичны (с л. **Т**₄ [147] — богородичны и крестобогородичны на 8 глосов)

л. **Т**₇ об. [151] об., выходные сведения

л. **Т**₇ об. [151] об., привилей

л. **Т**₈ [152], пустой.

Таково должно быть описание «Часословца» 1601 г., единственный известный экземпляр которого имеет немало утрат. В нем недостает л. **А**₁ [1]—**В**₃ [19], **В**₅ [21], **Г**₁ [25]—**Ж**₁ [49], **Ж**₃ [51], **Ж**₅ [53], **З**₂ [58]—**З**₄ [60], **И**₅ [69], **И**₆ [70], **И**₇ [73]—**И**₃ [75], **П**₇ [111], **П**₈ [152]. Кроме того, л. **Ж**₆ [54]—**Ж**₈ [56] вплетены между л. **В**₄ [20] и **Ж**₂ [50], а л. **И**₇ [71], **И**₈ [72], **В**₆ [22]—**В**₈ [24] — между л. **К**₄ [84] и **К**₅ [85].

Представленному описанию необходимо дать некоторые комментарии:

1. Краткое унифицированное название должно быть именно «Часослов», даже несмотря на то что в издании воспроизведен именно московский тип книги (она начинается с вечерни), так как название «Часовник»

⁶³ В издании 1597 г. восполнены, в частности, те необычные сокращения молитвословий, которые характерны для Часовника 1574—1576 гг. и которыми оно, видимо, обязано своему рукописному источнику. Например, в павечернице великой, перед 69-м псалмом, указание на «честнѣишу хе» превращено в издании 1597 г. в «честнѣишую херувимъ», «Владыко Боже, Отче Все» — во «Владыко Боже, Отче Вседержителю», и т. п.

имело распространение преимущественно среди московских книжников. В скобках приведено самоназвание книги.

2. Составление листовой формулы было в значительной степени облегчено принятой в издании системой простановки сигнатур. Количество и порядок следования листов, на которых не было знаков сигнатур, определялись на основе сопоставления текстовых эквивалентов изданий 1601 г. и 1574—1576 гг. И лишь в одном случае текст изданий не совпал. По расчетам в тетради II, сохранившейся вполне, был обнаружен пропуск текста величиною в 1 лист книги (он соответствует 27 строкам издания 1574—1576 гг., строка 11 л. 154 об.—строка 4 л. 156) между л. II₃ и II₄. Как возник этот дефект, сказать трудно, но то, что пропущен текст величиною в 1 лист именно издания 1601 г., показывает, что пропуск появился не из-за дефекта его оригинала, а из-за ошибки внимания наборщика при работе с размеченным оригиналом. Едва ли можно судить о том, был ли этот пропуск выполнен в процессе печатания книги: в известном экземпляре дополнительного 9-го листа тетради нет, как нет и никаких указаний на то, что он был. Сопоставление текста двух изданий позволяет обнаружить еще одну особенность «Часословца» 1601 г. В нем применен буквенный сигнатурный ряд без буквы S, следовавшей в церковнославянском алфавите за Ж, перед З. Эта особенность сигнатурного ряда и делает объем книги равным 152, а не 160 л., как это должно было быть, если следовать методике А. С. Зерновой.⁶⁴

3. Об употреблении для печати типографской краски, использовании орнаментики и вязи во многом можно судить только предположительно. Эти элементы описания почти не поддаются реконструкции, поскольку оформление книги имеет намного больше возможностей и вариантов и намного больше зависит от посторонних обстоятельств, чем другие элементы, характеризующие процесс ее создания. Поэтому в описании сведения об оформлении издания приведены лишь в той степени, в какой это позволяет сделать единственный известный экземпляр.

4. Что касается состава издания, то и он выводился из сопоставления двух изданий. Наиболее труден был расчет состава начальной части книги, поскольку первым из сохранившихся листов, если предположить, что издание начиналось тетрадью A, а Часословам обычно не предшествовавших ему листах должен был быть текст вечерни и начала 3-го часа. В издании 1574—1576 гг. этим главам соответствует 404 (вечерня) и 48 (начало 3-го часа) строк. Таким образом начало 3-го часа могло быть напечатано в «Часословце» 1601 г. на 2 листах, один из которых был заполнен текстом не до конца, что вполне понятно, если учесть, что самое начало главы книги, как правило, украшалось заставкой и вязью. Следовательно, на вечерню приходилось 17 листов, из которых 2 листа, а вернее — 2 страницы, в самом начале и самом конце главы, могли быть неполными. Учет листовых соответствий двух изданий позволяет говорить о том, что текст вечерни занимал в «Часословце» 1601 г. либо 15, либо — вероятнее — 16 листов, и это представляется вполне правдоподобным, так как самый первый лист издания был, видимо, по традиции той поры пустым и, как и последний пустой лист, выполнял защитную функцию.

⁶⁴ См., например, составленные по этой методике таблицы в кн.: Полонская И. М., Черкашина Н. П. Правила составления библиографического описания старопечатных изданий. М., 1989. С. 247—249. Прил. 14.

Реконструировав таким образом виленское издание 1601 г., можно наконец поставить вопрос о возможном существовании парного с ним издания. И, кажется, ответ на этот вопрос должен быть положительным. Вполне вероятно, что пару с изданием 1601 г. составлял Часослов из собрания д-ра Гастера, который, судя по описанию Барникота и Симмонса,⁶⁵ при формате в 4-ю долю листа и 12 строках на странице не имел сигнатур, но зато получил фолиацию (151 нумерованный и 1 ненумерованный листы), т. е. при сходном объеме имел отличия с точки зрения употребления или неупотребления книгообразующих элементов (неудивительно также отсутствие в этой книге выходных сведений: зачастую колофон получало лишь одно издание из пары). Но, вне всякого сомнения, парным по отношению к «Часословцу» 1601 г. является упоминаемый А. С. Зерновой фрагмент Часослова из собрания РГАДА (шифр 2332/1358), принадлежавший некогда библиотеке Московской Синодальной типографии.

Экземпляр РГАДА обнаруживает крайнюю ветхость, особенно сказавшуюся в нижней части книги. Ни у одного из сохранившихся листов его нет нижнего поля, отчего нельзя судить о том, имело ли издание сигнатуры или нумерацию листов. Вместе с тем есть все основания полагать, что экземпляр РГАДА — это экземпляр издания, имевшего почти те же характеристики, что и «Часословец» 1601 г. Об этом свидетельствует совпадение потетрадного распределения текста: оно становится очевидным благодаря не распавшимся в ряде случаев двойным листам, из которых складывались тетради (см., например, листы, соответствующие л. [81]—[88] «Часословца»). Совпадает и полистное распределение текста, хотя в связи с тем, что речь идет о двух разных изданиях, обнаруживается ряд различий в наборе первых строк листов:

		«Часословец» 1601 г.	Экземпляр РГАДА
л. [62]		щєнникъ	щєнникъ
л. [68]		при	прі
л. [72]	об.	аще ли	аще лі
л. [76]		сотвори ти	сотвори ті
л. [78]		ѣ	ѣ
л. [85]	об.	после слова твоєѣ — точка	запятая
л. [94]	об.	в слове моеѣ буква є не пропечаталась	
л. [95]	об.	в слове совѣщаєє последняя є — над строкой	в строку
л. [96]	об.	власть высть и раамъ его,	...на рамъ...
л. [107]		в слове лѣпотою буква ю — над строкой	в строку
л. [109]	об.	живѣта	живѣта
л. [110]		в слове прогнѣванса буква и — в строку	над строкой
		в конце строки — точка	точки нет
л. [113]		скорби	скорбі
		в слове тоуѣѣ буква ѣ — над строкой	в строку
л. [117]	об.	мловы	мловы

Таким образом, разночтения заключаются в основном в употреблении в двух наборах неодинаковых букв, подъеме букв над строкою или печатании их в строку. Лишь в двух случаях в экземпляре РГАДА исправ-

⁶⁵ См. сноску 60.

ляются закравшиеся в «Часословец» ошибки (см. л. [96] об. и [117] об.). Пристрастие наборщиков издания, представленного экземпляром РГАДА, к «и десятиричному», возможно, следует объяснять тем, что его набор был уже, чем в «Часословец» 1601 г., — всего 91—93 мм в ширину.

Лишь в одном случае наборщиками экземпляра РГАДА была допущена существенная неточность. На обороте л. [49] они поместили текст, который должен быть набран на обороте л. [50], пропустив таким образом фрагмент текста величиною в 1 лист. Как повлияла на вид издания эта ошибка (набор печатных полос в неправильной последовательности был довольно частым явлением в старопечатных книгах), судить трудно, поскольку пропущенный текст, если он и был напечатан на другом месте, не обнаруживается в известном экземпляре, и вместе с тем последующее потетрадное распределение текста, как упоминалось, вполне соответствует тому, какое можно видеть в «Часословец» 1601 г.

Наконец, нужно упомянуть о еще одном различии двух изданий — о различии в их оформлении. В издании, парном по отношению к «Часословцу» 1601 г., был применен не наборный орнамент, а ксилографические заставки, которые печатались по крайней мере с двух досок. В экземпляре РГАДА сохранились: оттиск одной из них на л. [58] и два оттиска другой — на л. [88] и [112]. Способ применения красной краски в обоих изданиях, напротив, совпадает: она употреблена только для печатания вязи, заглавия и первых букв некоторых слов и только на лицевой стороне листа, с которого начинается текст той или иной главы книги.

Поскольку изданию, экземпляр которого находится в РГАДА, характерны те же, что и «Часословцу» 1601 г., текстовые соответствия с Часословом 1574—1576 гг, можно определить сохранность этого экземпляра: в нем обнаруживаются л. [19]—[22], [35]—[48], [49]/[50], [51]—[119].

5. Загадка московской Псалтири 1619 г.

Московская Псалтирь 1619 г., хотя экземпляры ее весьма редки, известна библиографам давно, с первой половины XIX в. Однако описание ее до появления каталога А. С. Зерновой было очень далеко от истинного. Долгое время ее неверно датировали — 1620 г.⁶⁶ Эта ошибка была исправлена только И. П. Каратаевым, но и Каратаев не обратил внимания на тридигионно неправильную оценку объема книги, указав привычные для библиографии цифры, а именно: 16, 369 (в других каталогах: 367) и 3 листа.⁶⁷

Новым этапом в изучении Псалтири 1619 г. стал выход в свет каталога А. С. Зерновой, в котором объем издания был указан следующим образом:

$$[*]^{18} 1^8 - 40^8 41^{6+3} = \text{лл. } 8, 329 = 337 \text{ нн. лл.}$$

⁶⁶ Ундольский В. М. 1) Каталог славяно-русских книг церковной печати, библиотеки А. Н. Кастерина. М., 1848. № 108; 2) Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871. № 236; Сахаров И. П. Обзорение славяно-русской библиографии. Т. 1, кн. 2: Летопись славяно-русского книгопечатания. Отд. 1: Хронологическая роспись славяно-русской библиографии. Издания, напечатанные кирилловскими и русскими буквами с 1491 до 1731 года. Вып. 3. СПб., 1849. № 189; Каратаев И. П. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. СПб., 1861. № 219.

⁶⁷ Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг... Т. 1. № 253.

При этом А. С. Зернова не могла не указать на крайнее своеобразие системы простановки сигнатур в книге: «Сигнатуры проставлены черным на первом листе тетрадей и та же цифра иногда красным на последнем листе предшествующей тетради в правом нижнем углу». ⁶⁸ Система эта действительно очень необычна, хотя и заставляет припомнить то, как проставлялись сигнатуры в ранних южнославянских изданиях. Правда, в тех книгах и в начале, и в конце тетради были одинаковые сигнатуры, а в Псалтири 1619 г. сигнатура в конце тетради показывала, какой должна быть следующая тетрадь, да и размещалась она не на обороте последнего листа, а на его лицевой стороне, становясь таким образом невидимой тому, кто собирал книжный блок, и являясь поэтому совершенно бесполезной.

Отметив загадочную необычность системы простановки сигнатур в Псалтири 1619 г., А. С. Зернова по не зависящим от нее причинам не смогла приоткрыть смысла другой загадки книги, которая заключалась в ее содержании. Согласно описанию А. С. Зерновой, издание открывалось восьмилистой нумерованной тетрадью, однако ни в одном из известных ей экземпляров, находящихся в РГБ (№ 2621), РГАДА, ⁶⁹ РНБ (I.8.35), как, впрочем, и в экземплярах БАН (6800 сп) и, видимо, библиотеки Казанского университета, ⁷⁰ нет первых 7 листов, отчего о тексте, который располагался на них, можно только догадываться. Считать же своеобразной подсказкой в решении этого вопроса рукописный Устав о Псалтири, предваряющий печатный текст в экземпляре РГБ, представляется не вполне корректным, поскольку рукописные листы в начале или конце книги далеко не всегда и не обязательно оказываются восполнением утраченного, но зачастую являются добавлением тех текстов, которые владельцу экземпляра показались наиболее приемлемыми с точки зрения его понимания того, что должна заключать в себе принадлежащая ему книга. ⁷¹

Между тем решение загадки Псалтири 1619 г. вполне достижимо. При рассмотрении ее нельзя не прийти к выводу, что в описании ее листовой формулы А. С. Зерновой допущена неточность, которая и привела к появлению 7 загадочных листов в начале книги и невероятной системы сигнатур издания. В действительности сигнатуры ставились не на 1-м и 8-м листах тетради, а на 1-м и 2-м, т. е. лист, принимаемый А. С. Зерновой за последний в тетради, был на самом деле 1-м листом тетради следующей. Об этом неоспоримо свидетельствуют сохранившиеся не монтированными у корешка двойные листы, которые можно найти даже в экземпляре РГБ (см., например, тетрадь 29) и которые позволяют вполне точно определить тетрадный состав издания и установить его реальный объем:

$$1^8 - 41^8 [42]^2 = \text{л. } [1] - [330]$$

⁶⁸ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. № 36.

⁶⁹ Лукьяненко Е. В., Горбунова Л. Н. Московские кирилловские издания XVI—XVII вв. в собраниях РГАДА: Каталог / Под ред. А. А. Гусевой. М., 1996. Вып. 1: 1556—1625 гг. № 22.

⁷⁰ Веселова Л. Ф. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII вв. / Казанский гос. ун-т. Казань, 1986. № 15. К сожалению, из описания можно узнать только, что экземпляр Псалтири сохранил 307 л. и не имеет ни начала, ни конца.

⁷¹ См.: Вознесенский А. В. Старопечатная русская книга и некоторые проблемы ее бытования // История русского языка и севернорусские говоры. Сыктывкар, 1994. С. 39—41.

И вопросы в этой формуле вызывает только нумерованная тетрадь в конце книги. Она могла состоять и из 4 листов, из которых 2 последних были бы пустыми. Правда, судить об этом по известным сейчас экземплярам не представляется возможным. Говорить же о некой предвзятой первой тетради и, следовательно, о начальных 7 листах едва ли можно, поскольку ничто в экземплярах издания не свидетельствует о том, что она вообще существовала.

Вместе с тем специального рассмотрения заслуживает примененная в Псалтири 1619 г. система сигнатур, которая действительно необычна. Знаки сигнатур в книге проставлены на 1-м и 2-м листах тетрадей, они одинаковы в пределах одной тетради и различаются только тем, что первый знак, как правило, киноварный и располагается в нижнем правом углу листа, второй же напечатан черной краской в центре нижнего поля листа. И если тождество знаков сигнатур несомненно свидетельствует о том, что оба они показывают порядковый номер тетради в книжном блоке, то различие в месте простановки следует расценивать как указание на две составляющие тетради — на два развернутых листа, на которых только и мог быть набран текст, для того чтобы тетрадь заключала в себе 8 листов при формате в 4-ю долю листа.

Простановка знаков сигнатур на каждом из развернутых листов бумаги хорошо известна истории кириллического книгопечатания: она менялась в краковских изданиях Швайпольта Фиоля⁷² и московских изданиях XVI в.,⁷³ практиковали ее и старообрядческие типографы в Клинцах.⁷⁴ Однако при этом и в Часослове Швайпольта Фиоля, и в московской Псалтири 1568 г., и в изданиях в 4-ю долю листа у клинцовских старообрядцев сигнатуры попадали не на 1-й и 2-й, а на 1-й и 3-й листы тетради, что может свидетельствовать только об одном: в Москве при издании Псалтири 1619 г. использовали совсем другую систему набора. Ее можно было бы назвать перекрестной или непоследовательной, поскольку на одном развернутом листе набирался текст 1-го и 4-го двойных листов, а на другом — 2-го и 3-го. При фальцовке требовалось прежде соединить оба листа и лишь затем приступать к их складке и разрезке. Набор, к которому были привлечены Швайпольт Фиоль, Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеев Невежа, а также старообрядцы, являлся, напротив, последовательным или, лучше сказать, охватным. При нем на один развернутый лист попадал текст 1-го и 2-го двойных листов, на другой — 3-го и 4-го. Фальцовка развернутых листов не требовала их соединения. Различия между этими системами набора лучше представляются графически, в виде рисунков двух развернутых листов бумаги, на ко-

⁷² Вознесенский А. В. Старообрядческие издания... С. 38.

⁷³ За исключением изданий анонимной типографии, о которых нужно говорить особо. В других изданиях, вышедших до Миней общей (29.VI.1600, см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 15), при формате во 2-ю долю листа сигнатуры не проставлялись; при формате в 8-ю долю листа, напротив, сигнатуру имела каждая тетрадь, но каждая тетрадь и набиралась на отдельном листе; при формате в 4-ю долю листа, а примером тут может быть только Псалтирь 1568 г. (см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 9), сигнатуру получал каждый из двух развернутых листов, на котором печаталась тетрадь книги, хотя это и трудно понять из описаний А. С. Зерновой и Ю. А. Лабынцева, поскольку А. С. Зернова, пользуясь, очевидно, не вполне удовлетворительным экземпляром, была вынуждена указать сигнатуры издания, кроме 73-й, в круглых скобках, а Ю. А. Лабынцев приводит их в квадратных скобках, отмечая при этом, что «сигнатура на лицевой стороне листа внизу справа двоянная по тетрадам по типу: 1-я тетрадь — „1/2“; 2-я — „3/4“ и т. д.» (см.: Лабынцев Ю. А. Типография Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева. М., 1984. С. 13. (Описание старопечатных изданий кирилловского шрифта. Вып. 19)).

⁷⁴ Вознесенский А. В. Старообрядческие издания... С. 52.

торых набирался текст одной тетради, с таким указанием полос набора, каким оно было на той стороне листа, которая становилась внутренней при складке:

Псалтирь 1619 г.

4	5 об.
1 об.	8

3	6 об.
2 об.	7

Часослов 1491 г. Швайпольта Фиоля

2	7 об.
1 об.	8

4	5 об.
3 об.	6

Примененная в Псалтири 1619 г. система набора не была изобретением софийского попа Никона, который назван в книге ее печатником, сходный набор изданий в 4-ю долю листа, если судить по расположению филиграней на двойных листах тетрадей, практиковал и другой печатник московского Печатного двора, Иосиф Кириллов (см., к примеру, его Минеи служебные на сентябрь и декабрь, напечатанные в 1619 и 1620 гг.⁷⁵). Вероятно, индивидуальность печатников получила выражение в выборе той или иной системы нумерации листов и тетрадей в их изданиях. При рассмотрении первых изданий в 4-ю долю листа, выпущенных московским Печатным двором, нельзя не заметить, что в издании Никиты Федорова Фофанова сигнатуры проставляются только на 1-м листе тетради (т. е. отмечаются уже именно тетради, а не составляющие их развернутые листы) и нет нумерации листов,⁷⁶ а у Иосифа Кириллова, напротив, нет сигнатур, а листы имеют нумерацию.⁷⁷ Именно поэтому, возможно, к деятельности софийского попа Никона следовало бы отнести Служебник, вышедший после 14.ІІІ.1616,⁷⁸ в котором сигнатуры также проставлены на 1-м и 2-м листах тетради, хотя нумеруются не тетради, но каждый развернутый лист, так что на одну тетрадь приходится не один, а два номера.

⁷⁵ Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 35, 39.

⁷⁶ Там же. № 30.

⁷⁷ Там же. № 32, 35, 38, 39, 47.

⁷⁸ Там же. № 31.